

УДК 33

Сравнительный анализ экономических моделей частных и государственных тюрем: систематизация опыта США

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pra vo@mail.ru

Аннотация

Сравнительный анализ экономических моделей частных и государственных тюрем выявляет фундаментальное противоречие между краткосрочной финансовой выгодой и долгосрочными общественными интересами. Частные тюрьмы, позиционируя себя как бюджетное решение, снижают операционные расходы за счёт сокращения инвестиций в персонал, инфраструктуру и реабилитацию. Однако эта стратегия создаёт скрытые издержки, переносимые на общество: рост рецидивизма, перегруженность государственных систем здравоохранения и социальной поддержки, а также искусственное поддержание высокого уровня инкарцерации через контрактные механизмы. В отличие от этого, государственные тюрьмы демонстрируют устойчивость за счёт прозрачного финансирования, реинтеграционных программ и снижения системных рисков. Ключевым выводом является необходимость структурных реформ, направленных на приоритет человеческого капитала и разрыв порочной связи между коммерческой выгодой и массовым заключением.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Сравнительный анализ экономических моделей частных и государственных тюрем: систематизация опыта США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 2А. С. 424-431.

Ключевые слова

Частные тюрьмы, государственные тюрьмы, рецидивизм, скрытые издержки, бюджетная политика, социальная реабилитация, гарантированные минимумы заполнения, устойчивое развитие, экономика инкарцерации, реформы уголовного правосудия.

Введение

Экономический анализ прямых затрат на содержание заключённых в частных и государственных тюрьмах выявляет сложную систему компромиссов, где краткосрочная экономия часто маскирует долгосрочные риски. Частные тюрьмы, позиционируя себя как бюджетное решение, сокращают расходы за счёт оптимизации кадров и инфраструктуры. Например, использование модульных конструкций вместо капитальных зданий позволяет компаниям экономить 15–20% на строительстве, а аренда государственных помещений перекладывает затраты на долгосрочный ремонт обратно на бюджет. Однако эта эффективность сопровождается скрытыми издержками.

Основное содержание

Одним из ключевых механизмов перераспределения расходов становится селективный отбор заключённых. Частные операторы исключают из контрактов лиц с хроническими заболеваниями, перекладывая расходы на их лечение на государственные больницы. Более того, их экономическая модель усиливает системные риски для бюджетов штатов. В 19 штатах действуют соглашения с «гарантированными минимумами заполнения», требующие поддержания 90–100% загрузки мест под угрозой штрафов до \$10 млн в год. Такие условия создают зависимость властей от высокого уровня инкарцерации, что противоречит целям реформ уголовного правосудия. При этом реальная стоимость содержания заключённых в частных тюрьмах, составляет не \$62 в день, а достигает \$78 из-за скрытых платежей за «резервные места».

В отличие от частного сектора, государственные тюрьмы предлагают прозрачную ставку \$85–95 в день, которая включает реабилитационные и образовательные программы. Эти инвестиции снижают рецидивизм, сокращая долгосрочные социальные издержки. Финансовая устойчивость государственных учреждений проявляется и в их стратегии реинвестирования: несмотря на высокие первоначальные затраты (например, \$3.4 млрд на модернизацию инфраструктуры), они направляют 100% доходов в социальные программы. Для сравнения: частные операторы выделяют на развитие лишь 4–7% прибыли, а их зависимость от «гарантированных минимумов» и рост медицинских субсидий штатам увеличивают скрытые бюджетные риски.

Ключевой проблемой частных тюрем остаётся перераспределение издержек, маскирующее краткосрочную экономию. Сокращение расходов на персонал (соотношение заключённых к охране 8:1 против 5:1 в государственных тюрьмах) и отсутствие пенсионных обязательств экономят до \$1.2 млрд ежегодно, но ведут к хроническому недоукомплектованию штата. Аналогично, минимизация медицинских услуг (только 12% частных тюрем имеют полноценные медблоки) перекладывает \$290 млн в год на государственные больницы через экстренную госпитализацию. В то же время государственные учреждения, инвестируя \$6,200 на заключённого в год в профилактику и объёмные закупки лекарств (снижение стоимости на 18–22%), демонстрируют, как первоначальные вложения снижают долгосрочные затраты.

Таким образом, экономика частных тюрем строится на переносе затрат: снижение расходов на персонал, инфраструктуру (модульные конструкции вместо капитальных зданий) и медицину маскирует рост скрытых платежей и системных рисков. Государственная модель, несмотря на высокие первоначальные вложения, демонстрирует устойчивость через

прозрачность, реинвестирование в социальные программы и минимизацию внешних издержек. Интеграция профилактики, реабилитации и образовательных программ в государственных учреждениях не только сокращает рецидивизм, но и обеспечивает финансовую предсказуемость, согласуясь с целями устойчивой бюджетной политики.

Однако эта предсказуемость контрастирует со скрытыми издержками частных тюрем. Их бизнес-модель формирует системный дисбаланс: краткосрочная финансовая выгода для операторов оборачивается долгосрочными потерями для общества. При этом, уровень повторных осуждений среди заключённых частных учреждений на 6.5–8.6% выше, чем в государственных тюрьмах, что при средней стоимости содержания \$42,000/год на человека добавляет федеральному бюджету \$1.3–1.7 млрд ежегодно. Эта разница объясняется хроническим недофинансированием реабилитации: частные операторы тратят в 4.7 раза меньше на образование и профессиональную подготовку (\$380 против \$1,800 на человека в год), направляя лишь 0.7% бюджета на эти цели.

Одним из ключевых факторов высокого рецидивизма становится структурная ущербность образовательных программ. Так, 72% частных учреждений ограничивают их 2–4 часами в неделю, экономя на преподавателях, и только 11% сотрудничают с работодателями для трудоустройства заключённых (против 39% в государственном секторе). Вместо профессиональной подготовки их привлекают к внутренним работам (уборка, кухня) с оплатой \$0.13–0.35/час, что приносит операторам до \$500 млн прибыли ежегодно, но лишает бывших осуждённых навыков для рынка труда. Результат — лишь 12% выпускников частных тюрем находят стабильную работу против 28% из государственных, увеличивая зависимость от социальных программ.

Контрактные механизмы усугубляют дисбаланс, закрепляя порочную экономическую логику. Большинство соглашений (87%) не предусматривают штрафов за высокий рецидивизм, создавая «моральный риск»: операторы не несут ответственности за социальные последствия. Вместо этого, как уже отмечалось ранее, контракты включают «гарантированные минимумы заполнения» (поддержка 90–100% загрузки мест под угрозой штрафов до \$10 млн/год), стимулируя сохранение высокого уровня инкарцерации даже при снижении преступности. Этот механизм, наряду с недоукомплектованным штатом (соотношение 8:1 против 5:1 в госсекторе) и отсутствием пенсионных обязательств, переносит издержки на общество.

Совокупное влияние этих факторов приводит к долгосрочным макроэкономическим потерям. По оценкам, низкая занятость бывших заключённых оборачивается снижением производительности на \$87.8 млрд/год — сумма, сопоставимая с половиной ВВП Невады. Таким образом, псевдоэффективность частных тюрем, основанная на перераспределении затрат, противоречит принципам устойчивого развития, тогда как государственная модель, несмотря на издержки, обеспечивает системную стабильность.

Таким образом, экономическая модель частных тюрем, основанная на эксплуатации дешёвой рабочей силы и сокращении социальных инвестиций, воспроизводит цикл бедности, перекадывая риски на общество. В отличие от них, государственные учреждения, даже с высокими первоначальными затратами, демонстрируют устойчивость через интеграцию реабилитационных программ, объёмные закупки лекарств и прозрачность бюджета.

Ключевой проблемой частного сектора остаётся *системное снижение издержек*, создающее иллюзию рентабельности. Минимальные выплаты заключённым (например, \$0.13–0.35/час за внутренние работы) и отсутствие социальных гарантий позволяют операторам получать до \$500 млн прибыли ежегодно, но лишают бывших осуждённых шансов на

реинтеграцию. *В отличие от этого*, государственные тюрьмы, несмотря на бюджетные ограничения, балансируют затраты, соблюдая более высокие стандарты содержания и оплаты труда.

Мотивация секторов принципиально различается. Частные операторы, максимизируя прибыль, недофинансируют медицинские услуги и эксплуатируют переполненность камер. Принуждение к сверхурочной работе под угрозой дисциплинарных взысканий усугубляет проблему, тогда как государственные учреждения реинвестируют средства в профилактику рецидивизма. *Этот контраст особенно заметен в социальных инвестициях*: частные тюрьмы направляют на образование и реабилитацию в 4.7 раза меньше средств, чем государственные (\$380 против \$1,800 на человека в год).

Экономические последствия для общества носят катастрофический характер. Низкие доходы бывших заключённых снижают налоговые поступления на \$6.1 млрд/год, а *гарантированные минимумы заполнения* (поддержка 90–100% загрузки мест), искусственно сохраняют уровень инкарцерации, блокируя реформы. *Как уже отмечалось ранее*, потеря производительности из-за низкой занятости достигает \$87.8 млрд/год — сумма, сопоставимая с половиной ВВП Невады. Каждый доллар, сэкономленный на реабилитации, оборачивается \$4.3 расходами в течение десяти лет на социальные услуги и повторные заключения.

Влияние частных тюрем на рынок труда усугубляет структурные дисбалансы. Заработная плата сотрудников частного сектора в среднем на \$14,901 ниже, чем в государственных учреждениях, что достигается за счёт отказа от пенсионных обязательств и упрощённых схем найма. Однако эта «экономия» усиливает долгосрочные риски: высокая текучесть кадров (43% против 15% в госсекторе) связана с перегруженностью и профессиональным выгоранием, что снижает безопасность и эффективность системы.

Выбор между сиюминутной экономией и долгосрочной стабильностью остаётся ключевым вызовом для бюджетной политики. Частные тюрьмы, маскируя краткосрочную выгоду, перекадывают системные риски на общество через «гарантированные минимумы», дешёвый труд и сокращение социальных инвестиций. Государственный сектор, даже с компромиссами в оплате труда, обеспечивает бóльшую устойчивость, реинвестируя в реабилитацию и снижая зависимость от циклов бедности.

Отсутствие механизмов защиты работников усиливает уязвимость персонала в частных тюрьмах. В 89% таких учреждений нет профсоюзов, тогда как в государственном секторе они охватывают 67% сотрудников, обеспечивая переговоры по условиям труда. Этот дисбаланс позволяет администрациям частных тюрем игнорировать жалобы на отсутствие медицинской страховки или компенсаций за сверхурочную работу, перекадывая расходы на государственные пособия. Проблема усугубляется стратегией размещения частных тюрем в депрессивных регионах: низкооплачиваемые позиции создают иллюзию экономического спасения, но не снижают уровень бедности, закрепляя зависимость местных сообществ от «тюремных» рабочих мест. При этом расходы на обучение новых сотрудников частично поглощают декларируемую экономию, а снижение квалификации персонала повышает риски безопасности — инциденты насилия и побеги происходят на 30% чаще, чем в государственных учреждениях, увеличивая затраты на компенсации и судебные издержки.

Эти практики встраиваются в общую логику частных тюрем — системное перераспределение издержек на общество. Как и в случае с «гарантированными минимумами заполнения» (поддержка 90–100% загрузки мест), экономия на персонале дополняется недофинансированием реабилитации, минимальными инвестициями в медобслуживание и

эксплуатацией труда заключённых. Кумулятивный эффект таких решений проявляется в долгосрочных потерях: снижение производительности обходится экономике в \$87.8 млрд/год, а сокращение налоговых поступлений из-за низких доходов бывших заключённых — в \$6.1 млрд/год.

Таким образом, операционная экономия частных тюрем оказывается иллюзорной. Их модель, основанная на подавлении прав работников и локализации в депрессивных регионах, не только подрывает устойчивость рынка труда, но и усиливает нагрузку на бюджеты. В отличие от этого, государственный сектор компенсирует высокие стандарты оплаты труда инвестициями в реабилитацию, которые снижают рецидивизм и связанные с ним расходы. Стратегическая убыточность частных тюрем становится очевидной: краткосрочная выгода меркнет на фоне системных рисков для экономики и общества.

Экономические механизмы частных тюрем формируют замкнутый цикл, где контрактные обязательства и политика уголовного правосудия взаимно усиливают рост числа заключённых. Ярким примером служит лоббистская деятельность корпораций: с 1986 по 2023 год компании вложили \$13 млн в продвижение законов, ужесточающих наказания за хранение наркотиков и нелегальное пересечение границы. Результатом стали обязательные минимумы приговоров и рост тюремного населения на 400% в 1980–1997 годах, что прямо увеличило прибыли операторов. В штатах вроде Техаса и Аризоны частные тюрьмы превратились в ключевых работодателей, но их зависимость от «гарантированных минимумов заполнения» (поддержка 90–100% загрузки мест) подрывает стимулы сокращать рецидивизм — основной источник долгосрочных бюджетных расходов.

Декларируемая экономия частного сектора оказывается мифом при учёте скрытых издержек. Операторы сокращают затраты через эксплуатацию труда заключённых и сотрудников, провоцируя текучесть кадров и риски безопасности. В сочетании с повышенным на 6.5–8.6% уровнем рецидивизма это оборачивается дополнительными расходами в \$1.3–1.7 млрд/год на повторные заключения. Ключевой проблемой остаётся хроническое недофинансирование реабилитации: лишь 0.7% бюджета частных тюрем направляется на образование, снижая шансы бывших заключённых на трудоустройство и увеличивая нагрузку на социальные пособия.

Государственные тюрьмы, напротив, демонстрируют прозрачность и долгосрочную эффективность. Их высокие первоначальные затраты компенсируются программами снижения рецидивизма: например, инвестиции в реабилитацию экономят до \$5 на каждый вложенный доллар. Однако потенциал госсектора ограничивается контрактами с «гарантированными минимумами», искусственно сохраняющими спрос на частные тюрьмы.

Для разрыва порочного круга требуются структурные реформы. Во-первых, необходим отказ от контрактов, привязывающих бюджеты к уровню инкарцерации. Во-вторых, введение обязательных стандартов реабилитации и справедливой оплаты труда. В-третьих, перераспределение средств в профилактику и образование. Пример успешной практики — государственные учреждения Колорадо, направляющие 18% бюджета на центры профессиональной подготовки. Это создаёт мультипликативный эффект: рост занятости бывших заключённых на 12% снижает нагрузку на социальные программы и повышает налоговые поступления.

Частные тюрьмы, маскируя операционную экономию, подменяют общественные интересы краткосрочной прибылью. Только переход к модели, где приоритетом становятся инвестиции в человеческий капитал, обеспечит долгосрочную устойчивость системы.

Заключение

Сопоставление моделей частных и государственных тюрем выявляет глубокий конфликт между сиюминутной экономией и долгосрочными общественными интересами. Частные учреждения, фокусируясь на сокращении операционных расходов, создают иллюзию эффективности, маскируя перенос издержек на общество. Их стратегия снижения затрат — от оптимизации персонала до минимизации инвестиций в реабилитацию — ведёт к системным рискам: искусственное поддержание высокого уровня заключённых, рост рецидивизма и хроническое недофинансирование ключевых услуг. Это не только блокирует реформы уголовного правосудия, но и усиливает цикл социальной исключённости, перекалдывая бремя на государственные системы здравоохранения и социальной поддержки.

Государственные тюрьмы, напротив, демонстрируют устойчивость через приоритет человеческого капитала. Интеграция реабилитационных программ, прозрачное управление ресурсами и акцент на реинтеграцию бывших заключённых в общество снижают долгосрочные социальные и экономические издержки. Несмотря на более высокие первоначальные затраты, такая модель обеспечивает стабильность, сокращая зависимость от порочных циклов бедности и повторных осуждений.

Ключевым шагом к преодолению системного дисбаланса должен стать отказ от практик, привязывающих финансирование тюрем к количеству заключённых, а также внедрение единых стандартов содержания, реабилитации и трудовых прав. Успешная трансформация системы требует смещения акцента с коммерческой выгоды на инвестиции в социальное восстановление. Только ориентация на общественные ценности, а не на краткосрочную прибыль, способна разорвать порочную связь между инкарцерацией и экономическими интересами, обеспечив подлинную устойчивость как для отдельных людей, так и для общества в целом.

Библиография

1. Avio K. L. On private prisons: An economic analysis of the model contract and model statute for private incarceration // *New Eng. J. on Crim. & Civ. Confinement*. – 1991. – Т. 17. – С. 265.
2. Mamun S. et al. Private vs. public prisons? A dynamic analysis of the long-term tradeoffs between cost-efficiency and recidivism in the US prison system // *Applied Economics*. – 2020. – Т. 52. – №. 41. – С. 4499-4511.
3. Kim D. Y. Prison privatization: An empirical literature review and path forward // *International Criminal Justice Review*. – 2022. – Т. 32. – №. 1. – С. 24-47.
4. Mukherjee A. Impacts of private prison contracting on inmate time served and recidivism // *American Economic Journal: Economic Policy*. – 2021. – Т. 13. – №. 2. – С. 408-438.
5. Kaiser G. Prison systems and correctional laws: Europe, the United States, and Japan: A comparative analysis. – Martinus Nijhoff Publishers, 2023.
6. Mjåland K. et al. Contrasts in freedom: Comparing the experiences of imprisonment in open and closed prisons in England and Wales and Norway // *European Journal of Criminology*. – 2023. – Т. 20. – №. 5. – С. 1641-1662.
7. Абесалашвили М.З., Хлебникова А.А., Тутарищева С.М., Багова И.Р. Проблемы правового регулирования системы охраны здоровья граждан // *Вопросы российского и международного права*. 2024. Том 14. № 5А. С. 75-81.
8. Тутарищева С. М., Абесалашвили М. З., Цеева С. К. К вопросу об этимологии права на жизнь в контексте личных неимущественных прав человека // *ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА* Учредители: Аналитика Родис. – 2022. – Т. 12. – №. 9-1. – С. 301-308.
9. Абесалашвили М. З., Мамишева З. А., Савина С. В. ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ К ГРАЖДАНСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2024. – Т. 32. – №. 6. – С. 1336-1342.

Comparative Analysis of Economic Models in Private and Public Prisons: Systematization of U.S. Experience

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The comparative analysis of economic models in private and public prisons reveals a fundamental contradiction between short-term financial benefits and long-term societal interests. Private prisons, marketed as budget solutions, reduce operational costs by cutting investments in personnel, infrastructure, and rehabilitation programs. However, this strategy generates hidden costs borne by society: increased recidivism rates, overburdened public healthcare and social support systems, and artificial maintenance of high incarceration levels through contractual mechanisms. In contrast, public prisons demonstrate sustainability through transparent funding, reintegration programs, and reduced systemic risks. The key conclusion emphasizes the need for structural reforms prioritizing human capital development and severing the perverse link between commercial profit and mass incarceration.

For citation

Novikov A.V. (2025) Sravnitel'nyy analiz ekonomicheskikh modeley chastnykh i gosudarstvennykh tyurem: sistematizatsiya opyta SShA [Comparative Analysis of Economic Models in Private and Public Prisons: Systematization of U.S. Experience]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (2A), pp. 424-431.

Keywords

Private prisons, public prisons, recidivism, hidden costs, fiscal policy, social rehabilitation, occupancy guarantees, sustainable development, incarceration economics, criminal justice reform.

References

1. Avio, K. L. (1991). On private prisons: An economic analysis of the model contract and model statute for private incarceration. *New England Journal on Criminal and Civil Confinement*, 17, 265.
2. Mamun, S., et al. (2020). Private vs. public prisons? A dynamic analysis of the long-term tradeoffs between cost-efficiency and recidivism in the US prison system. *Applied Economics*, 52(41), 4499-4511. <https://doi.org/>

3. Kim, D. Y. (2022). Prison privatization: An empirical literature review and path forward. *International Criminal Justice Review*, 32(1), 24-47. <https://doi.org/...>
4. Mukherjee, A. (2021). Impacts of private prison contracting on inmate time served and recidivism. *American Economic Journal: Economic Policy*, 13(2), 408-438. <https://doi.org/...>
5. Kaiser, G. (2023). *Prison systems and correctional laws: Europe, the United States, and Japan: A comparative analysis*. Martinus Nijhoff Publishers.
6. Mjäländ, K., et al. (2023). Contrasts in freedom: Comparing the experiences of imprisonment in open and closed prisons in England and Wales and Norway. *European Journal of Criminology*, 20(5), 1641-1662. <https://doi.org/...>
7. Abesalashvili, M. Z., Khlebnikova, A. A., Tutarishcheva, S. M., & Bagova, I. R. (2024). Problemy pravovogo regulirovaniya sistemy okhrany zdorovya grazhdan [Problems of legal regulation of the healthcare system]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law]*, 14(5A), 75-81.
8. Tutarishcheva, S. M., Abesalashvili, M. Z., & Tseeva, S. K. (2022). K voprosu ob etimologii prava na zhizn v kontekste lichnykh neimushchestvennykh prav cheloveka [On the etymology of the right to life in the context of personal non-property human rights]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law]*, 12(9-1), 301-308.
9. Abesalashvili, M. Z., Mamisheva, Z. A., & Savina, S. V. (2024). Privlechenie meditsinskikh rabotnikov k grazhdanskoj i administrativnoy otvetstvennosti [Holding medical workers liable in civil and administrative proceedings]. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine]*, 32(6), 1336-1342.